

The background of the entire image is a high-contrast, black and yellow graphic depicting a powerful explosion or a high-speed impact. Numerous bright yellow and white streaks radiate outwards from a central point, creating a sense of intense energy and motion. The overall effect is one of a dramatic, high-stakes event.

Владислав Рехтин

Сбой в протоколе

Владислав Рехтин

Сбой в протоколе

«Автор»

2026

Рехтин В. О.

Сбой в протоколе / В. О. Рехтин — «Автор», 2026

«Единственный способ избавиться от искушения — поддаться ему. В Нео-Версале за это положено Обнуление». — Из дневников леди Элеоноры де Рошфор, сожженной за «органическую ересь». В этой книге вас ждут: троп «от ненависти до любви», ментальная связь и чувства на двоих, ледяной герцог, который тает только для неё, вынужденная близость, киберпанк-эстетика, дворцовые интриги и сильная героиня. Финал — хэппи-энд.

© Рехтин В. О., 2026

© Автор, 2026

Владислав Рехтин

Сбой в протоколе

Глава 1

ГЛАВА 1. Токсичная доза

Зал дышал хромом.

Гигантские своды Большого Бального Зала уходили в темноту, давя на плечи невидимой, рассчитанной алгоритмами тяжестью. Воздух гудел. Это был не звук, а физическая вибрация — низкий, вибрирующий бас серверов, спрятанных под мраморным полом, отдавался в зубах мелкой, противной дрожью.

Аэлия де Рошфор стояла у края танцпола, чувствуя, как тяжелый, расшитый оптоволоконным шелк корсета впивается в ребра. Её плоть протестовала. Ткань не давала дышать полной грудью, но протокол дебютантки запрещал ей даже ослабить шнуровку. Любое отклонение от идеальной осанки фиксировалось камерами, а баллы социального рейтинга таяли бы быстрее, чем лед в шампанском.

Вокруг кружились пары. Их движения были откалиброваны до микрона. Улыбки — симметричны, как у фарфоровых манекенов. Идеальный, стерильный мир, где боль была искоренена, а вместе с ней — и всё остальное.

К ней приближался Герцог де Вандер.

Аэлия видела, как на его виске пульсирует серебряный порт для синхро. Он хотел «попробовать» её. Для пресыщенной элиты её страх был деликатесом, нелегальным наркотиком, который они высасывали через прямое подключение, оставляя «органиков» выжженными, пустыми оболочками.

— Мадемуазель де Рошфор, — голос Герцога был лишен вибраций, ровный, словно синтезированный модулятором. — Позвольте пригласить вас на кадрили. И на... сеанс. Моя нервная система так истощена светскими беседами. Мне нужна ваша... искренность.

Он протянул руку. Кожа на его перчатке была идеальной, слишком гладкой.

Аэлия знала: если их порты соединятся, он выпьет её панику. Он почувствует, как она боится за брата, как её тошнит от этого зала, как она хочет кричать. Но Аэлия не просто боялась. Прямо сейчас, глядя на его самодовольную, «хромированную» морду, она была зла.

Гнев — это токсин.

Она не стала отступать. Вместо этого она закрыла глаза и вызвала в памяти лицо брата, Лео. Лео с его пустой, «счастливой» улыбкой после установки Демпфера. Лео, который больше не узнавал её колыбельных. Она вложила в свой нейронный импульс всю ярость, всю грязную, липкую, органическую ненависть к этому миру. Она не стала прятать эмоцию. Она направила её.

Когда их запястья соприкоснулись и скрытые в коже порты щелкнули, раздался тихий треск.

Сбой.

Герцог дернулся. Его безупречная улыбка исказилась в гримасе животного ужаса. Его импланты не смогли переварить концентрат её ярости — они начали перегреваться, отторгая её плоть как вирус. От его виска пошел тонкий струйка дыма, пахнувшего горелым озоном и паленой кожей. Он рухнул на колени, хрипя и царапая мрамор идеально manicured ногтями.

Музыка не смолкла. Никто из «хромированных» аристократов даже не повернул головы — их фильтры восприятия просто стерли неприятную картину, классифицировав Герцога как «незначительную помеху».

Но из тени колонны шагнул он. Кассиан Вейл. Имперский Арбитр.

Его лицо было маской из матового металла и холодной, бледной кожи. Он смотрел не на корчащегося Герцога. Он смотрел на Аэлию.

В этот момент Аэлия почувствовала странный холодок у себя в затылке. Через остаточную связь портов она на долю секунды ощутила его состояние. Там не было гнева. Там была абсолютная, звенящая, мертвая пустота. И где-то на самом дне этой пустоты — крошечная, забытая искра фантомной боли, которая впервые за десять лет проснулась от её яда.

Кассиан медленно наклонился к ней. Его голос был тихим, но в нём впервые за вечер прозвучала настоящая, человеческая угроза:

— Вы только что отравили члена Высшего Дома, мадемуазель. Вы понимаете, что ваш код сейчас помечен на стирание?

Аэлия подняла на него глаза. Её зрачки, к её ужасу, на секунду вспыхнули красным — цветом необработанной ошибки.

— Я не отравила его, Арбитр, — прошептала она, чувствуя, как по спине течет предательская капля пота. — Я просто перестала притворяться едой.

Кассиан смотрел на неё еще секунду. Потом его рука, холодная и твердая, как сталь, сжала её локоть. Не грубо. Но так, что она поняла: бежать она не сможет.

— Протокол требует вашего Обнуления, — сказал он, уводя её с танцпола, в темноту коридоров, где не было камер. — Но я предлагаю вам сделку.